

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА:

Да, я – “девушка у пруда”...
Рубль тура. – 2003 – 17-23 июля. – с. 8

“Девушка у пруда” не только один из самых очаровательных женских портретов в творчестве Михаила Васильевича Нестерова, но и вообще в отечественном искусстве XX века. Картина находится в постоянной экспозиции Государственной Третьяковской галереи. Специалисты считают ее переломной в творчестве художника, во многих отношениях знаменательной и знаковой. Дочери Михаила Васильевича Наталья Михайловне НЕСТЕРОВОЙ скоро исполняется 100 лет, у нее светлая голова, она многое помнит. Правда, столь почтенный возраст дает о себе знать. Поэтому наша беседа проходила не без естественных трудностей, подчас с помощью “переводчиков”. Тем более что в этот день она была нездорова, лежала в постели... А здесь еще долгожданный водопроводчик пришел, и наш разговор чуть было не сорвался вообще...

– Родилась я в Киеве и очень люблю этот чудесный город, всегда вспоминаю о нем с радостью и умилением. Когда мне выдавали новый российский паспорт, я проверила, указан ли в нем Киев. Жили мы в одном из красивейших мест – в Липках. Там было много садов и цветов.

Моя мама – Екатерина Петровна, урожденная Васильева, – из старинного дворянского рода Чичаговых. Ее бабушка – дочь легендарного адмирала Павла Васильевича Чичагова. Мама была моложе моего отца на двадцать лет, но их брак был счастливым. Правда, мама хотела мальчика, а появилась я, но она считала, что лучше ребеночка, чем я, нет никого на свете. Хотя я доставляла много хлопот резвостью своего характера и непоседливостью. Я обычно не ходила, а прыгала на одной ножке. Дружила только с мальчиками. Любимой книгой моего детства было описание походов Суворова.

Когда великая княгиня Елизавета Федоровна, вдова московского губернатора, великого князя Сергея Александровича, пригласила папу расписывать новую Марфо-Мариинскую обитель, нам пришлось переехать в Москву. Мой отец и раньше выполнял высочайшие заказы – мозаику в храме на Крови в Петербурге, росписи в церкви Александра Невского в Абастумани. Он был убежденным монархистом и никогда этого не скрывал.

В Москве мы поселились на Донской улице. Сюда к отцу приезжала великая княгиня Елизавета Федоровна. Дом этот сохранился. Потом переехали на Новинский бульвар, в особняк князей Щербатовых. Учи-

лась я в Екатерининском институте благородных девиц. Пробыла в нем три года, потом – революция, Гражданская война. Мы эвакуировались в Армавир. Когда вернулись в 1920 году, то не нашли ни нашей квартиры, ни того, что в ней оставалось... Нас поселили в Сивцевом Вражке, сейчас на стене этого дома установлена мемориальная доска в память о моем отце. Я окончила одиннадцатый класс, собиралась поступить на медицинские курсы, но серьезно заболела и больше учиться не стала. Позже работала в Библиотеке имени Ленина, в библиографическом отделе Академии наук, так как я хорошо знала французский язык, в годы войны – в госпитале.

– Михаил Васильевич очень любил ваш портрет “Девушка у пруда”. Сохранилось даже его письмо к Александру Турыгину: “Вышел, говорят, не хуже, чем в молодые годы, – свежо, нарядно... В целом получилось нечто вроде Шарлотты Корде!.. (Наташка выпянулась, становится красивой, хотя, несмотря на почти двадцать лет, еще очень девчонка)...” Когда, где и при каких обстоятельствах он создавался?

– Написана картина в 1923 году в Дубках, по Киевской железной дороге. Туда нас пригласил художник Василий Николаевич Бакшеев. Уступил нам верхний этаж своей дачи. Но здесь папа скучал без работы. Да и лето выдалось холодным, пасмурным, дождливым. Было много комаров. Увидел меня как-то на скамейке у пруда в любимой моей позе. Сказал: “Сиди так, я напишу твой портрет!”. Было холодно, и комары

М. Нестеров. “Девушка у пруда” (портрет Натальи Нестеровой)

ели нещадно. Но я терпела, а папа, видя мои мучения, говорил: “Сейчас, сейчас, сейчас...” И продолжал писать часами. И я не могла отказаться, так как считала, что позировать – святая обязанность дочери художника. Сеансы продолжались несколько дней, сильно мешали дожди. Когда кончилась эта мучительная работа, мы оба были рады.

Одеyta я была в голубое платье, сшитое мной из остатков материи, купленной отцом в Италии для одеяний моделей во время работы в Марфо-Мариинской обители. На голове были шапочка Ломановой, самой модной в то время в Москве модельерши. Газовый воротничок надевался отдельно – он был мамин.

– Вы позировали Михаилу Васильевичу для других картин?

– Я была любимой моделью папы, позировала для более чем 50 его работ. Я относилась к этой обязанности с большой ответственностью и считала это главным в моей жизни. Начала с образов младенца Христа и большой девочки в композиции “Путь ко Христу” для Марфо-Мариинской обители. Кстати, Богородица и Мария, сестра Лазаря, написаны с

дождалась этого дня... Когда галерея открылась после длительного ремонта и реконструкции, я подарила ей “Девушка у пруда”. Я также завещала Третьяковке всю свою домашнюю коллекцию, все работы отца. А недавно передала Уфимскому художественному музею имени Нестерова старинные русские сарафаны, в которых папа писал своих девушек.

– Позировали вы другим художникам?

– В детстве, когда мне было лет пять-шесть. В Киеве мой портрет писал художник Александр Александрович Мурашко. Он сейчас находится в Киевском музее украинского искусства.

– Какие произведения вашего отца нравятся вам более всего?

– Очень многое. Всего не перечтешь. Назову некоторые. Ну, конечно, мой портрет, картина “Философы”, написанная в 1917 году. На ней изображены замечательные мыслители своего времени – Сергей Николаевич Булгаков и Павел Александрович Флоренский – на фоне абрамцевского пейзажа. Очень нравится “Пустынный”. Такой трогательный образ русского православного человека...

– В письме, посланном жене Екатерине Петровне в июле 1939 года, Михаил Васильевич замечает: “Написал “Даму в белом”, позвал Наталью – спрашиваю: лучше или хуже, говорит “хуже”, прогнал, а сам не будь плох, все стер...”

– Если моделью я была безотказной, то во всем остальном – весьма своенравной. Часто спорила с папой, порой критиковала его работы. Иногда, как видите, он соглашался со мной.

– Ваш муж Федор Сергеевич Булгаков также был художником...

– Да. Он – сын Сергея Николаевича Булгакова, изображенного на картине “Философы”. Я познакомилась с ним еще в 20-е годы в нашем доме в Сивцевом Вражке. Он пришел к отцу посоветоваться, кем ему стать – художником или музыкантом. Папа посоветовал поступить в рисовальную Студию Кардовского. Оттуда Федор перешел во Вхутемас, в мастерскую Ильи Машкова. Мы подружились. Но я вышла за него замуж лишь в 1945 году, когда он вернулся с войны, был офицером...

– Когда-то, лет двадцать назад, я был у вас в гостях. И Федор Сергеевич в вашем присутствии шуточно рассказал мне такую семейную историю. Оказывается, Михаил Васильевич долго отговаривал его жениться на Наталье, уверял, что она очень властная и своенравная, дескать, она погубит его талант...

– Да, это правда, но Федор не послушался папы, и это не помешало ему стать хорошим художником. Он был членом Московского союза, участвовал во многих выставках, его работы находятся в Третьяковской галерее, в других музеях страны. Многие его картины – здесь, в этих комнатах. Вот – посмотрите! Федор исполнил также хорошие копии картин папы “Девушка у пруда” и “Философы”. Вот они, в этой комнате. Умер Федор в 1991 году.

– Каков ваш режим дня?

– Встаю в восемь тридцать утра. Молюсь, благодарю Господа за еще один день жизни. Делаю гимнастику. Разную – стоя, сидя, лежа. Минут 20 – 30. Моюсь. Пью кофе со сливками, как любил и папа. Затем занимаюсь разными делами. Перед сном пью чай. Укладываюсь часов в 8 – 9. Непременно с молитвой.

– Читаете?

– С трудом, с лупой. Недавно перечитала “Войну и мир” Толстого. Сейчас читаю Глеба Успенского...

– А газеты?

– Нет. Но долгое время была подписчицей “Вечерней Москвы”...

– Смотрите телевизор?

– Нет. Из принципиальных соображений...

– Не жалеете ли вы о том, что в середине 80-х годов широкой московской общественности не удалось “пробить” устройство в доме в Сивцевом Вражке мемориального музея Михаила Васильевича Нестерова?

– Мой папа не держался за вещи, настолько был поглощен своим искусством, своими картинами. Образы, им созданные в русской живописи, подчас стали нарицательными. “Нестеровская девушка”, “нестеровский пейзаж”, “нестеровская березка”, наконец, “нестеровская Русь”. Вот эта Русь, Россия, моя Родина и стала вечным ему памятником.

Беседу вел
Евграф КОНЧИН